

The article deals with building up argumentative skills with going learners. The author presents different rhetoric devices such as rhetoric analysis, rhetoric tasks and rhetoric games, based on the Bible text.

УДК 820/89

Потолков Ю.В.

СОПЕРЕЖИВАТЕЛЬНЫЙ ПАФОС МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Раскрывая тему, заявленную в названии нашей статьи, мы исходим из *эмпатической мегаидеи*, согласно которой моральной основой гуманистического развития истории (а в данном случае – истории мировой литературы) являются взаимные сопереживательные усилия Творца и человечества во имя духовного и – как следствие – физического выживания Божьего творения.

Названная мегаидея утверждает триединство литературного творчества: первоавтором замысла любого художественного произведения (как и всего сущего на свете) является Творец как носитель субстанционального Высшего морального начала. Писатель – креативная человеческая личность, в момент творчества приближающаяся к Божественному замыслу и интуитивно воплощающая его в словесных образах: «И Бога глас ко мне воззвал...» – (А.С. Пушкин «Пророк»). Миссия Читателя – постигая результаты сопереживания Всевышнего и писателя, проникаться силой жизни и работать во имя реального спасения человека и природы от постоянно грозящей им гибели.

Утверждение триединности литературного (и любого художественного) творчества может показаться априорным, если мы не посмотрим на искусство как на существенное проявление Божьего творения, а значит, не зададимся вопросом: почему человечеству для выживания не хватило понятийного мышления и древние люди наряду с рациональными выводами о действительности стали создавать образную реальность? Литература не раз ставила перед собой этот вопрос:

Пещерный человек учился рисовать.

Не находя в изяществе резона,

Тяжёлым камнем начал выбивать

Фигуру угловатого бизона.

Случайный шаг! Опасная стезя!..

Он кончил, и впервые с сотворенья

Из глаз звериных длинная слеза

Устало потекла – от умиленья.

И, страшной тайной творчества влеком.

Он чувствовал – назад уж нет возврата,

Когда он первобытным кулаком

Стирал слезу светло и виновато.

Косматый, дикий, шкура за спиной,

Лицо разодрала ему гримаса!..

Он радости был полон неземной,

Что слаще мёда и сытнее мяса.

Приведенное стихотворение «Пещерный человек учился рисовать» принадлежит советскому поэту Евгению Михайловичу Винокурову (1925–1993). В этом философском лирическом размышлении есть слова, с которыми согласиться никак нельзя: «Случайный шаг». Обращение человечества к созданию «фигуры угловатого бизона», на наш взгляд, было случайным, может быть, только для самого «пещерного человека», описанного в стихотворении. В действительности же момент, описанный Е. Винокуровым, глубоко закономерен: без художественного творчества, включённого в триединный процесс эмпатии, человечество (носитель души) не выжило бы и самого короткого времени.

Другое дело, что поэт правомерно отметил наиболее важные особенности явления: древний художник испытывает радость *неземную*, поднимаясь в своём вдохновении до идеальных, надчеловеческих

вершин духа. То есть первобытный художник поднимался до себя самого – истинного, идеального, неизвестного себе, но ясного Богу.

Но нужна ли «фигура угловатого бизона» всем остальным помимо художника? Под силу ли нам, смертным, не художникам, постигать сопереживательные «тайны творчества»? Поэт не зря назвал их «страшными». Ведь созидательная задача человечества, предначертанная свыше, беспредельно сложна и ответственна:

Мы цель созданья, смысл его отменный,

Взор Божества и сущность зрящих глаз.

Окружность мира – перстень драгоценный,

А мы в том мире – вправленный алмаз.

Омар Хайям (XI–XII вв.)

Назвав человечество целью Божьего созданья, его смыслом и признав таким образом, что человек – *земное* духовное начало, сопереживающее с *небесным* духовным началом, великий Омар Хайям совершил пророческий подвиг. Но воплощать это гениальное прозрение в реальную повседневность ещё труднее. Особенно если содержанием твоей жизни стало образотворчество. Недаром же Винокуров замечает: «Опасная стезя».

В чём опасность? Не в том ли, что в быту быть «взором Божества» и «сущностью зрящих глаз» трудно и даже мучительно? Не легче ли насаждать бездуховность и пошлость в искусстве? Зачем мешанину поэты-пророки, воплощающие в слове замысел Бога? Триединная сопереживательность в искусстве, может быть, прекрасна в теории, но чрезвычайно неудобна в повседневной реальности:

Провозглашать я стал любви

И правды чистые ученья:

В меня все ближние мои

Бросали бешено камня.

М.Ю. Лермонтов, Пророк 1841

Приняв за основу мысль, что бытие человечества (созидающее и разрушающее) – не только процесс и результат созиданья, но и сама сущность созиданья, приходишь к выводу, что люди – материальное воплощение мятущейся души Бога, а триединная эмпатия – непререкаемый закон бытования и развития искусства. Такой вывод вносит существенные коррективы в известные положения об *общественном назначении* художественной литературы, её функциях.

Обычно называются следующие основные функции *словесного* искусства: социально-эстетическая, преобразующая, повествовательная, воспитательная, гедонистическая и языкотворческая. Такое перечисление достаточным не представляется, поскольку в нём нет ответа на вопросы «зачем? для чего?». *Во имя чего* преобразовывать, повествовать, воспитывать, доставлять наслаждение и т.д.? То есть функции, приведенные выше, – это всего лишь *средства* для реализации цели. Сама же цель художественной литературы безусловно выходит за пределы её социального содержания и согласуется со вселенским содержанием бытия. Сущность цели такова: быть *словеснообразным проявлением Божьего творения, триединным сопереживанием, воплощённом в словесно-художественных образах*. Используя строки Омара Хайяма, приведенные выше, можно утверждать, что искусство – это и само Божество, и его вековечная цель.

Известно, что литература не всегда лидировала среди других видов искусств. В античности первенствовала скульптура; в средневековье определяющим видом искусства была архитектура; ренес-

Потолков Юрий Васильевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков экономического факультета Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

санс прославился вершинами живописи; эпоха Просвещения приоткрыла представления в области театра; литература превалировала лишь в XIX веке; в XX веке на первое место вышли кинематограф и телевидение. Но во все периоды словесно-художественные образы своим содержанием превышали выразительные и изобразительные возможности любого из видов искусств. Следовательно, именно в литературе эмпатическая мегаидея проявила себя в решающей степени.

Это обстоятельство проявило себя ещё на самых ранних стадиях словесного образотворчества. А именно – в героическом эпосе древних цивилизаций. Высшие божественные силы в нём постоянно сотрудничают с землянами, требуют от них активности и решительности. В шумерских сказаниях о Гильгамеше к смертным обращается бог Энлиль:

Гильгамеш! Жрец! Сын Кулаба! Доколе ты будешь спать?

Нахмурились горы, бросили тени.

Заря бросила свет вечерний.

О, Гильгамеш, доколе ты будешь спать?

Гильгамеш и друг его Энкиду спят и даже не замечают этого. Они даже не подозревают о своей вселенскости, не знают, что они одномерны с горами, с вечерними тенями и зарёй, что их слух способен различать голос Бога. Через многие и многие века родится Хайям и догадается о многих Гильгамешах: они – взор Божества и сущность зрящих глаз.

Новейший взгляд на литературу должен быть таким же. Недаром приведенные выше строки М.Ю. Лермонтова своею нравственной тревогой перекликаются и с возмущением бога Энлиля из эпоса шумеров и с богочеловеческим пафосом стихотворения Омара Хайяма. То есть эмпатический пафос литературы оказывается не гениальной инициативой кого-то из людей, а объективной реальностью бытия космической (в том числе и человеческой) души «вправленный алмаз».

О том, что словесное образотворчество наших отдалённых пращуров следует понимать как проявления эмпатического триединства, свидетельствует выросшая на героическом эпосе античная литература, по праву считающаяся истоком европейской культуры. Очевидно, что художественные образы того далёкого времени во многом уступают творениям позднейших эпох (недаром период античности именуют «детством человечества»). Античный эстетический идеал более телесен, нежели духовен; сложность противостояния между персонажами объясняется не психологической неповторимостью индивидуума, а противоречиями, которые проявляют себя в среде богов-олимпийцев.

Но несмотря на историческую ограниченность шедевров литературы античности, закон эмпатического триединства проявил себя здесь в подлинно истоковой степени и определил собою многие достижения позднейшего времени.

Так, в VIII веке до н.э. в Древней Греции появилась поэма Гесиода «Труды и дни». Зримым поводом для создания этого произведения стали события совершенно реальные и объяснимые во все времена: Гесиод судился с братом Персом из-за раздела земли после смерти отца. Но не эти бытовые детали прославили поэму «Труды и дни» в веках. Среди прочего в ней описаны разные поколения людей – от благополучного золотого до трагического железного:

*Создали прежде всего поколение людей золотое
Вечноживущие боги, владельцы жилищ олимпийских.
Жили те люди, как боги. С спокойной и ясной душою,
Горя не зная, не зная трудов, И печальная старость
К ним приближаться не смела. Всегда одинаково сильны
Были их руки и ноги. В пирах они жизнь проводили,
А умирали, как будто объаты сном. Недостаток
Был им ни в чём неизвестен. Большой урожай и обильный
Сами давали собой хлебодарные земли. Они же
Сколько хотелось, трудились, спокойно собирая богатства /.../*

Сегодняшнему читателю этих строк неминуемо вспомнятся произведения о золотом коммунистическом веке («Утопия» Томаса Мора (1478–1535); «Город Солнца» Томаса Кампанеллы (1568–1639) и др.). Созданные через полтора тысячелетия после Гесиода, эти литературные мечтания были инициированы единым (извечным и надмирным) психологическим состоянием: тревожным сомнением

Бога мыслителей-образотворцев в духовных возможностях человеческой природы как таковой. У Гесиода люди золотого века хороши тем, что верны богам. Жители острова Утопия из книги Томаса Мора верят в единое божество и тоже верны ему. Город Солнца Кампанеллы – теократическая республика.

У Гесиода эта тревога высказывается с публицистической прямотой: поэт открыто говорит, что цивилизация движется в сторону деградации:

*Землю теперь населяют железные люди. Не будет
Им передышки ни ночью, ни днём от труда и от гор
И от несчастий. Заботы тяжёлые боги дадут им.*

/.../

Старых родителей скоро совсем почитать перестанут.

Будут их яро поносить нечестивые дети

Тяжкою бранью, не зная возмездья богов;

/.../

В литературе последующих веков общественное несовершенство представлено многообразно и бесчисленно. В данном случае следует акцентировать внимание не на жизненной реальности, отражённой в произведениях, перечисленных выше, а на сути нравственного посыла, заставившего писателей прославлять одни формы социального бытия или же сатирически осмеивать другие. Этот посыл очевиден в творениях литературы не только остросоциальных, но и личных, лирических. Средние века не принимали античность, но по сути были так же триедино сопереживательны.

Скажем, таковы сонеты Петрарки. В них лирический герой, исполненный извечно идеального чувства любви, страдает по причине невозможности такой любви в мире людей:

*Я выставлен Амуром для обстрела.
Как солнцу – снег. Как ветру – мгла тумана.
Как воску – огню. Взывая постоянно
К вам Донна, я охрип. А вам нет дела.*

*Из ваших глаз внезапно излетела
Смертельная стрела. И непрестанно
От вас исходит – это вам лишь странно –
Вихрь, солнце и огонь, терзая тело.*

*От мыслей-стрел не спрятаются. Вы сами
Как солнце, Донна, а огонь – желанье.
Всё это колет, ослепляет, глушит.*

*Как ангельское пенье со словами
Столь сладкими, что в них одно страданье,
Как дуновенье, жизнь во мне потушит.*

Конфликт, воплощённый в сонете Петрарки, не может быть назван социальным. Но существуют ли в мире противоречия, которые не порождены бы общественной обстановкой и не восходили бы к ней? Мировая литература ведёт нас за пределы социума, сближая тем самым разные, отдалённые друг от друга, исторические времена. За пределами социума – Вселенная, космический разум, мировая душа. Человек – существо не только социальное, но и надсоциальное, вселенское. К такому выводу человека приводят и мировая философия, и его собственный жизненный опыт:

«И когда индивид прозревает элементы абсолютности в себе, потенциальную безграничность, родящую его с Космосом, он по-иному относится к жизни, смерти, он становится подлинно культуротворящим существом. Именно это самое величайшее из всех открытий совершили Будда, Лао-цзы, Заратуштра, Христос, Пифагор, Сократ, Диоген и другие творцы духовных ценностей, оплодотворивших культуру в различных её сферах» (Мартынов В.Ф. Мировая художественная культура. – Мн., 1997. – с. 32).

К представленному в цитате списку благороднейших мыслителей можно безусловно добавить имена и деятелей литературы, поэтические строки которых цитировались выше, и многих других гениев словесного образотворчества. И не только их: каждый из людей созидателей, реально спасающих близких своих, – это творец духов-

ных ценностей, то есть личность, трудом своим эмпатически сопереживающая со Всевышним.

Расположение в нашей статье литературных имён вне исторической последовательности никак не мешает исследователю делать обобщающие выводы. Более того: такое расположение доказывает, что всемирная литература – это единое произведение искусства, построенное на субстанциальных, извечных действительных для каждого момента истории вселенских моральных истинах. Единое литературное произведение, поскольку оно – часть всего сущего, то есть единого эмпатически сопереживательного созидания Господня.

Завершая нашу статью, выскажем итоговые тезисы.

Возникновение и развитие художественной литературы – креативное участие человечества в извечном Божьем творении Вселенной.

Пафос литературного движения – в триедином сопереживательном взаимодействии Бога, писателя и читателя.

Образотворчество – вид деятельности, без которого человечество не способно осознать себя как особую одухотворённую общность и, следовательно, обречено на гибель.

Восприятие литературы как воплощённого в художественном образе творческого триединства мира требует от общества – реципиента значительных, порою непреодолимых, духовных усилий. Этим обстоятельством объясняется сложность судеб писателей и их произведений в истории человечества.

Сопереживательный пафос мировой литературы определяется космичностью, вселенскостью, безграничностью духовного мира каждого их индивидов.

Триедино эмпатическая сущность художественного образа – не чья-то из людей гипотеза, а надчеловеческая объективная данность, полемизировать с которой невозможно.

Материал поступил в редакцию 11.09.12

POTOLKOV Yu.V. Soperezhivatelyny pathos of the world literature

In his article reveals the essence of his idea of the role of the emphatic unity of three units in a literature work: the God, who creates the real existence, the Writer, who depicts the reality and the Reader, who reads the plot created by the author.

УДК 820/89

Потолков Ю.В.

ЧТЕНИЕ И ПРОЧТЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Человечество встревожено: дети мало читают. Определяются причины явления, предлагаются пути к исправлению дела. А люди между тем воюют, совершают теракты, губят себя в наркотиках, в порнографии, в коррупции... Словом, ничем не доказывают свою верность высоким идеалам художественной литературы. Может быть, не те причины определяются и не те пути предлагаются?

Спрошу себя: «Много ли книг я прочитал?». Как ни старайся, ответ один: «Об этом могут судить только люди, окружающие меня. Может быть, не прочитал ни одной», то есть – я внимательно пролистывал многие книги, но вот не сумел это пролистывание превратить в праведность собственной жизни. Если бы сумел – преодолел бы свою греховность. Но остаюсь грешным. Дело не в том, сколько ты читал, а в том, сколько прочитал.

Итак, ведущей при восприятии художественной литературы сегодня оказывается *проблема чтения и прочтения*. Чтение – феномен количественный, который согласно диалектике должен перейти в качество. Однако переходит далеко не всегда. *Прочтение – это высшее искусство восприятия произведения, когда моральное богатство книги превращается в моральное богатство жизненной практики прочитавшего книги и тем самым спасает человечество от духовной, а следовательно – от физической гибели.*

Мне за свою жизнь пришлось не раз встречаться со многими людьми, для которых чтение и пропаганда художественной литературы стало профессией. Были среди них праведники, кто своею жизнью доказали своё именно *прочтение*, а не *чтение* книг. Таковой была, к примеру, брестчанка Ядвига Антоновна Чернявская, – подпольщица, партизанка Великой Отечественной войны, порядочнейший и достойнейший человек. До восьмидесяти лет она преподавала литературу в Брестском государственном университете имени А.С. Пушкина. Наследники её книжных прочтений (не чтений!) работают и сейчас и готовят младших к глубинному (то есть утверждаемому практикой своей духовной жизни) прочтению каждого из художественных произведений. То есть подлинно порядочен только человек *прочитывающий*. Таких, к счастью своему, встречаю я немало. Низкий им поклон!

Но вижу я и тех, кто, *читая* множество книг, не в состоянии *прочесть* ни одной. Такие искренне причисляют себя к числу людей широко (как оказывается, – чисто количественно) начитанных. Они поступают в жизни совсем не так, как те литературные герои, которых они славят. Часто восклицают «Возлюби ближнего своего», но реально живут по принципу «Распни!». Любый человек, оказавшийся на пути их карьеры, рискует быть уничтоженным. Словом, такие

ханжи не приближают нас к книге, а удаляют от неё. Они – вообще враги литературы, поскольку чистою своей слезы о бедствиях человечества книга смыывает с таких обманных людей лак филологической образованности и открывает миру корыстную подоплёку их интереса к художественной литературе.

Встречаются мне и читатели иного рода. Чтение для таких – не средство для карьеры. Они – по-своему благородные личности. Их даже можно назвать нищими духом – в самом прекрасном значении этих слов. То есть они взыскуют всё нового и нового духовного богатства и никогда до конца не насыщаются. Книга для них – идеальный поводёр в мире духовной сумятицы и нравственного беспредела. Но за этим поводёрём такие действительно эрудированные люди идти не могут: сбиваются с пути, страдают и мучаются на бездорожье. Причиной этому – их ничем не оправданная уверенность в том, что художественное произведение можно *понять*, что вообще, смысл литературного творения подвластен логическому разуму любого знакомого с азбукой. А если подвластен, то, как кажется им, единственно достойная читателя позиция – скепсис.

С подобной точкой зрения согласиться никак нельзя. Никто не говорит, что подлинный читатель обязан быть инфантильным созданием, заражённым хроническим энтузиазмом. Но и скепсис – не путь к Божьей правде. Скептик тревожно вопрошает: «Как читать М. Горького, если он славил Владимира Ленина и умолчал о страданиях граждан, попавших на Соловки? А многие советские поэты с их одами в честь Октябрьской революции? А как относился к власти придержащим Алексей Толстой? И так далее, и тому подобное». Стремясь *понять* книгу, такой постигающий *не прочитывает* творение, а *читает* его. Поэтому начинает постигать художественное произведение не с литературного текста, а со сведений о его авторе. Литературно-художественный текст для такого воспринимающего существует не как воплощённое в словесном образе неповторимое вознесение души, а всего лишь как рационально постижимое подтверждение или опровержение тех или иных социально-политических или морально-нравственных идей.

Часто на путь такого одностороннего восприятия литературы становятся люди даже очень образованные и талантливые, многими трудами доказавшие глубину и оригинальность своего мировидения. Примером в данном случае может служить книга диакона Андрея Кураева «Мастер и Маргарита»: за Христа или против?», изданная в Москве в 2004 году Издательским Советом Русской Православной Церкви.

В редакционной преамбуле к книге читаем: